
СЕРГЕЙ КНЯЗЕВ
ПОЛТАВСКАЯ БИТВА
1709
ТОМ 1

Сергей Князев

Полтавская битва 1709 - Том 1

«Автор»
2026

Князев С.

Полтавская битва 1709 - Том 1 / С. Князев — «Автор», 2026

Я погиб, вытаскивая своего бойца из-под огня, и очнулся под Полтавой. 1709 год. Теперь я капрал Андрей Рябов, которого собственные солдаты считают трусом. Впереди шведская пехота, в руках непривычная фузея, за плечами опыт современной войны. Я заставлю этот опыт работать: удержу строй, сберегу людей и поведу их вперёд. От недостроенного редута до решающей атаки вместе с царём Петром Первым. Нам предстоит разгромить шведов и вырвать победу, которая изменит судьбу России.

© Князев С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 17
Глава 4 23
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Сергей Князев
Полтавская битва 1709 - Том 1

Глава 1

Взрывной волной меня швырнуло на дно канавы, засыпав глаза сухой пылью и крошеным щебнем. Я сплюнул серую крошку, проморгался и вдавил кнопку гарнитуры:

— Сыч, лежи и дыши, я иду, — я кивнул Тимуру на верхушки тополей: — Встал сюда. Смотришь верх и правую сторону до самой просеки.

Тимур опустился на колено и задрал ствол к серому небу. Там ходил тонкий злой звук, похожий на комара в пустой комнате.

— Пахом, дым ставишь не на него, а между ним и вырубкой, ветер оттуда тянет. Мосол, с Кислым берете его за лямки и волоком в дальнюю воронку, головой вперёд.

Мосол молча подтянул застёжку броника и перевалился через край канавы.

Дым лёг криво. Ветер в лесополосе шёл понизу, вдоль борозды, и белая стена вместо того, чтобы встать поперёк поля, растянулась в жидкую косу и потекла к своим. Я смотрел на неё три секунды. Хватило: дым ушёл впустую. Вытаскивать Сыча придётся на открытом.

— Сыч, слушай задачу. Ползёшь влево, три метра, там корень, за корнем ямка, лежишь в ней и ждёшь Мосла. Влево, слышишь? Влево, к корню.

В наушнике щёлкнуло, зашуршало и стало пусто, как в снятой трубке. Я нажал ещё раз, ещё раз, а на поле, в тридцати шагах, серая куча с рюкзаком шевельнулась и поползла вправо — старательно, упрямо, как ползёт контуженный: услышал половину слова и достроил остальное сам.

— Куда, — выдохнул я в землю. Голос ушёл в железо, эфир захлебнулся треском, и человек остался с обрывком команды под открытым небом.

Я сорвал гарнитуру, сунул её в карман и пошёл сам, пригнувшись, короткими перебежками по борозде, где рыхлая земля проваливалась под берцами.

Первый разрыв встал позади, в двадцати метрах, — пристрелочный, злой, с сухим шлепком по стволам. Тополя посыпали сверху щепу. Край борозды осел и поехал вниз, и обратный путь за одну секунду перестал быть тропой.

— Тимур, они по борозде работают, уводи всех правее вырубки и не жди меня, — крикнул я назад, и, отрезая любые сомнения, крикнул ещё раз, целиком: — Правее вырубки, всех, не ждать!

Я добрался до Сыча на четвёртой перебежке. Сыч лежал лицом в землю, дышал часто и мелко, вцепившись в собственный ремень, будто боялся сорваться.

— Живой, я тебя вижу, — я взял его за плечо, сжал и почувствовал, как под тканью ходят кости. — Сейчас поедем.

Разгрузка зацепилась карабином за корень — крепко, глухо, как за арматуру. Сыч дёрнулся, корень дёрнулся вместе с ним, и они оба остались на месте.

— Тише. Тише, — я лёг рядом, нащупал карабин, вывернул его против замка, содрал ноготь и вывернул до конца. — Всё, ты свободен.

И толкнул. Ладонью в бок, всем весом, с колена — на полтора метра, в мелкую воронку, где земля была ещё горячей и несла разбитым камнем.

Сыч поехал вниз и в последний момент, уже падая, поймал меня за запястье. Хватка оказалась мокрой и сильной. В ней читалось не «спаси», а «пойдём вместе».

— Нет, — сказал я, улыбнувшись ему сверху. — Ты доедешь. У Мосла хватка надёжнее.

Я оторвал его кисть от своего рукава и остался снаружи, на открытой земле, потому что закрывать воронку было больше нечем, кроме себя.

Второй прилёт ударил в грудную клетку изнутри.

Мир стал белым, потом красным, потом очень простым.

Последним, что я ощутил, была чужая ладонь на запястье.

Ладонь сжалась крепче. Она стала шире, тяжелее, с мозолью, идущей поперёк всей кисти, вместо пороха и пота в нос ударил густой дух конопляной верёвки и дёгтя.

— Рябов! — тряхнули меня так, что зубы стукнули. — Рябов, чёрт бы тебя, вставай! Слышишь?

Я открыл глаза и увидел над собой узкую полосу тёмно-синего неба, зажатую между двумя стенами сырой земли.

Ни тополей. Ни Сыча. Земля была свежая, рубленая лопатой, ещё с белыми корешками на срезе. Она осыпалась мне на лицо мелкой крупой. Тянуло сырой глиной, конским навозом и мокрой рогожей. Где-то близко, за стеной, кто-то очень быстро и очень длинно ругался, и в этой ругани всё было понятно, кроме половины слов.

Я сел. Тело подчинилось неохотно, как чужой мешок: плечи оказались уже, кисти — тяжелее, а рёбра слева отозвались старой, вчерашней болью. Чужой болью.

Через ров бежали люди. Они бросали лопаты прямо в землю, черенками вверх, и лезли наверх по осыпи, и сверху, из темноты шёл ровный низкий гул, в котором различались копыта и что-то ещё, большое и человеческое, идущее шагом.

Один из бегущих наступил мне на кисть.

Я поймал его за ремень и дёрнул вниз.

Мужик сел в грязь с размаху, охнул и уставился на меня снизу вверх круглыми глазами.

— Стой тут, — сказал я чужим, хриплым, царапающим горло голосом. — Как тебя зовут?

— Митроха я...

— Митроха, ты остаёшься здесь. Берёшь эту лопату и стоишь возле меня. Скажи вслух.

— Беру лопату и стою... — мужик проглотил остальное и посмотрел куда-то за моё плечо.

Там, опираясь на длинное ружьё, стоял пожилой человек в потемневшем зелёном кафтане, с обмотанной тряпкой ладонью, и разглядывал меня так внимательно, словно пытался узнать заново.

— Ты головой ударился, что ли? — сказал он не спрашивая. — Это Митроха, ты его пятый день гоняешь.

Я встал.

Я шатнулся: мышечная память сбоила, ноги нашли опору на полшага в стороне от привычного. Я впечатал ладонь в стенку рва. Податливая, текучая земля рассказала о себе всё: свежая, сегодняшняя, рыхлая. Она осыплется при любом упоре.

— Как далеко копали? — спросил я.

— Как далеко? — пожилой моргнул. — До вон того колышка и копали. С полуночи. Ты сам мерил.

— Хорошо. Мне надо посмотреть.

Я полез наверх.

Осыпь ехала под сапогами, срезанные корни цеплялись за штанину, дважды я съезжал обратно и оба раза лез снова, потому что снизу, со дна недокопанного рва, весь мир состоял из двух земляных стен и полоски неба, а для управления боем этого мало.

На третий раз я перевалился животом на бруствер и приподнял голову, чтобы видеть поле.

Тело тряслось от слабости, но армейские инстинкты уже включились, вытесняя шок. Оцени обстановку. Найди угрозу. Ночь была серо-синяя, предутренняя. Слева, далеко, стояло рыжее пятно — горело что-то большое, скорее всего сено. Впереди, шагах в трёхстах, лежала

полоса тумана, и туман рвался и клубился против ветра: сквозь него шла пехота. Густой, мерный, безмолвный шаг накатывал на позиции, пробирая по спине хуже жужжания дрона.

Я начал считать.

Три направления. Центральное — прямо, по низине, широкое, шагов на двести по фронту. Второе — правее, где чернел кустарник, оттуда звук был реже, но ближе. Третье — на дальнем правом фланге, конное, уходящее краем в обход нашей позиции.

У меня за спиной, шагов через четыреста, торчал в небо ещё один земляной горб, а за ним другой. Их было несколько, они стояли по прямой, и между ними лежали такие же четыреста шагов пустого поля.

— Сколько нас здесь? — спросил я, съезжая вниз спиной вперёд.

— Восьмеро с ружьями, — пожилой перехватил ружьё поудобнее. — Да работных десятка полтора, да те, что уже за версту отсюда. Рябов, ты меня послушай...

— Погоди. Кто идёт?

— Швед идёт, — сказал пожилой очень спокойно, и от этой сухой уверенности мне стало ясно: это факт, а не паника. — Как из лесу вышел, так и идёт. Швед.

Земляные горбы по прямой. Ружья с длинными стволами и деревянными шомполами. Лопаты, корзины, фашины. Тяжёлый кафтан на плечах, чужие рёбра, чужая мозоль на ладони.

Я стоял на дне недокопанного рва, чувствовал, как за воротник сыплется свежая земля, и понимал, что моё прежнее тело осталось там, у Сыча, а здесь под пальцами чужой рубец и чужая тяжесть в плечах. Другое место, чужой век, чужая кровь под ногтями — и считанные минуты до первого залпа.

— Ладно, — сказал я вслух. — Ладно.

— Что ладно? — нахмурился пожилой.

— Готовимся к бою. Работаем.

Я повернулся к людям.

Их было восемь с ружьями и ещё сколько-то с лопатами, и все они стояли, глядя на меня, и я видел по глазам, что они ждут одного из двух: или я сейчас закричу что-нибудь страшное, или первым пойду к лесу.

— Слушайте меня, — я поднял руку и повёл ею вдоль верхнего края. — Вот отсюда и досюда — это наш сектор. Всё, что идёт по этой полосе, наше. Всё, что правее куста, тоже наше, но туда смотрит один человек отдельно. Двое остаются с лопатами и подсыпают вот этот угол, он ниже остальных. Четверо берут ружья и встают по фасу с промежутком в три шага. Двое носят патроны и воду. Секторы держим...

— Погоди, — пожилой шагнул ко мне и, не стесняясь, взял за локоть. — Ты чего говоришь-то?

— Я говорю, кто где стоит.

— Ты говоришь не по-людски, — сказал он твёрдо. — «Сектор». Мужик тебя не поймёт, он два часа назад землю копал. Ты ему скажи: от вербы до кривой сосны. Он вербу знает. И не «промежуток три шага», а «локоть от локтя». И не «фас», хотя это ты, положим, правильно сказал.

Я смотрел на пожилого секунду. Внутри поднялось знакомое, злое, командирское: я сказал — исполняй. И тут же осело, потому что здесь у меня было ровно ноль оснований для этого «я сказал».

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Ну, ты и приложился, — пожилой покачал головой. — Никита я. Белов Никита.

— Никита, повтори это ещё раз, только медленно, и я скажу так, как ты скажешь.

Никита посмотрел на меня ещё внимательнее, чем в первый раз.

— От вербы до кривой сосны, — сказал он наконец. — Локоть от локтя. Заряжать по слову. Раньше слова не палить.

— От вербы до кривой сосны! — крикнул я людям, и широким жестом указал направление, потому что солдатские тела соображают быстрее ушей. — Локоть от локтя! Раньше слова не палить!

Люди задвигались.

Я пошёл вдоль них и каждому клал ладонь на плечо. Жёстко, без всякого утешения — фиксируя хватку до тех пор, пока человек поворачивал ко мне лицо.

— Ты. Твоя верба — вот эта. Дальше неё не смотришь.

Боец кивнул, вцепившись побелевшими пальцами в ложе.

— Ты. Носишь патроны от телеги вот сюда и обратно. Ничего больше не делаешь, даже если очень захочется.

— Понял, дядька.

— Ты, Митроха. Подсыпаешь этот угол, пока я не скажу «хватит». Лопатой греби плотнее.

Митроха только сплюнул под ноги и сразу вогнал заступ в глину.

Я стискивал чужие плечи, выбивая из глаз панику и возвращая осмысленность. Исключительно ради выживания: полчаса назад, в другой жизни, связь оборвалась на полуслове, и человек пополз прямо под огонь. Сейчас строй сплачивал только прямой приказ в лицо.

Пятого человека в этом ряду я тронуть не успел.

Это был мальчишка — лет шестнадцати, не больше, с длинной шеей, торчащей из воротника, и с ружьём, которое было ему по глаза. Мальчишка отступил на шаг и вывернулся из-под моей руки.

— Не трожь, — сказал мальчишка сипло.

Ров затих.

— Тебя как зовут? — спросил я.

— Федька я, будто ты не знаешь, — мальчишка задышал носом, часто. — Ты чего командуешь-то, а? Ты чего командуешь, Рябов? Ты час назад у телеги стоял и Савве говорил, что при первом деле уйдёшь через лощину, тебя двое слышали! Ты уйдёшь, а мы тут стой?

Значит, я здесь Рябов.

Я стоял в двух шагах от мальчишки, чувствовал на себе восемь взглядов и очень отчётливо понимал: этому телу подчинённые давно вынесли приговор. Мой авторитет, звание и голос остались в будущем. Тело успело задолжать раньше, чем я в него въехал.

Я мог накричать. Тело, похоже, умело кричать.

Я сел на корточки, чтобы быть с мальчишкой одного роста.

— Федька, — сказал я негромко и совершенно спокойно. — Смотреть на меня будешь потом, сколько захочешь. Сейчас смотри вон туда.

И повернул его за плечи лицом к брустверу.

— Видишь, где туман шевелится? Считай до десяти и скажи мне, стало ли их больше.

Федька засопел, но посмотрел. И начал считать — вслух, сбиваясь.

Пока Федька считал, Никита подошёл ко мне вплотную и сказал мне в ухо, тихо, без злости:

— Уходил бы ты и вправду. За тебя тут никто в огонь не пойдёт.

— В огонь пусть не за мной идут, — так же тихо ответил я. — Пусть идут за тем, чтобы утром быть живыми. Я им это устрою. Мне нужен ты, чтобы они меня понимали.

Никита пожевал губами.

— Сколько их? — крикнул я мальчишке.

— Больше! — Федька почти сорвался в визг, и тут же взял себя в руки, устыдившись собственного голоса. — Больше стало! И слева ещё!

— Спасибо, — я выпрямился. — Ты только что сделал самое нужное дело здесь. Теперь берёшь свою вербу и не сходишь с неё.

Мальчишка мотнул головой, но пошёл.

— Ладно, — сказал Никита в сторону, ни к кому не обращаясь. — Ладно, посмотрим.

За бруствером, там, где кончалась полоса тумана, из серого проступили две тонкие вертикальные чёрточки, потом четыре, потом восемь. Они не шевелились, как ветки. Они шли.

— Никита, — я уже двигался вдоль рва к тёмному горбу телеги, стоявшей за земляным выступом. — Сколько у нас готовых ружей?

— Заряженных? — Никита пошёл за мной. — Четыре. Может, три, у Гаврилы полка сырая.

— Из восьми.

— Из восьми.

— Замечательно, — сказал я. — Тогда идём смотреть, что там у нас в телеге, пока они не подошли.

Телега стояла в мёртвом углу, за выступом свежей земли, боком, и лошадь в оглоблях мелко и часто переступала, кивая головой. Возле заднего борта на корточках сидел мужик лет пятидесяти, широкий, короткорукий, с седой щетиной, и перекладывал что-то в ящике, светя себе фонарём на короткой оглобельной жердине.

— Савва, свет убери, — сказал Никита.

— Убрал, убрал, — мужик прикрыл фонарь полой, но не погасил. — А ты мне скажи, как я тут в темноте буду...

Я уже смотрел в ящик.

В ящике лежали патроны — бумажные, скрученные, толстые с одного конца. Часть была ссыпана ровными рядами, часть валялась вперемешку с обрывками бумаги и рассыпанным порохом. Я взял один и тут же понял, что взял неправильный: бумага под подушечками оказалась мягкой и податливой, как размокшая газета.

— Этот сырой.

— Этот сырой, — согласился Савва. — Их полкороба сырых. Дождь-то в среду шёл, а рогожу мне дали одну.

— Сколько сухих?

— Ящик, — Савва хлопнул ладонью по крышке другого, поменьше, окованного по углам. — Вот этот. Он всю дорогу под козлами ехал, я на нём сидел.

Я открыл ящик, сунул руку, взял горсть. Бумага хрустела как надо. Я ссыпал обратно и закрыл крышку.

— Значит, так, — сказал я. — Сухой ящик от этой минуты трогает один человек. Савва, это ты. Из него ничего не берут без твоего слова.

— Это как это? — Савва даже выпрямился. — Мне велено...

— Тебе велено не дать нам остаться без выстрела к утру. Вот я тебе это и велю, — я повернулся к Никите. — А теперь мне нужно, чтобы ты сделал одну вещь. Возьми ружьё и заряди его. Медленно. И говори вслух всё, что делаешь.

Никита посмотрел на меня так, как смотрят на человека, которого вынули из-под лошади.

— Ты забыл, что ли?

Он замер с открытым ртом, глядя на мои пустые ладони. Я перехватил ремень за спиной, а из тумана в низине уже накатывал мерный, тяжёлый гул сотен надвигающихся шагов.

Глава 2

— Считай, память отшибло, — сказал я, перехватив ремень и сплюнув попавшую на зубы серую крошку. — Времени на бабьи расспросы нет. Показывай, как заряжаешь. От первого движения до выстрела. Потому что стрелять в упор будете вы, а не я. Давай, не тяни.

Может быть, дело было в слове «показывай». Никита сплюнул, сунул фузею под левую руку и заговорил — медленно, как говорят с очень тупым, но своим:

— Скусываешь, — Никита поднёс патрон ко рту и откусил край; на губах осталась чёрная пороховая полоса. — На полку сыплешь, чуть, вот столько. Огниво закрыл. Остальное в ствол, бумагу следом, комом. Шомпол.

Железный прут шомпола пошёл в ствол с тем самым сухим, скребущим шорохом, который я уже слышал сегодня на дне рва, но не понимал его значения.

— Прибил дважды. Шомпол на место, — Никита щёлкнул им в скобы под ложем. — Курок на взвод. Всё, фузея к бою.

Я взял второе ружьё с бруствера.

Оно оказалось нелепо длинным и тяжёлым совсем не там, где я ожидал: непривычный баланс тянул вперёд, к дульному срезу, ствол упрямо клонился к комьям земли, а в ушибленных рёбрах при каждом движении глухо отзывалась чужая тупая боль. Я повторил всё, что видел. Скусил край бумажного патрона — и в рот тут же набилась едкая, вяжущая, солёно-серная горечь, от которой судорогой свело челюсть. Сыпанул на полку — добрая треть пороха просыпалась мимо, на пальцы и в грязь. Захлопнул огниво. Ссыпал остаток заряда в ствол, протолкнул следом бумажный пыж с пулей. Шомпол пошёл в дуло криво, заскрежетал о нагар и намертво застрял на середине.

— Прямее держи, — Никита перехватил мою кисть своей заскорузлой ладонью, выправляя железо. — Не ломай, прут дуги не терпит. Не жми со всей дури, он сам пойдёт.

Я перехватил прут посередине, толкнул ровнее — шомпол ухнул до донца, дважды глухо ударив по свинцу.

— Готово, — выдохнул я, вбивая шомпол обратно в ложевые трубки.

— У тебя — готово, — усмехнулся Никита в бороду. — А теперь гляди, как надо.

Он сунул руку в лядунку, и дальше я лишь молча следил за его пальцами.

В Никите не было спешки или показной резкости — была только пугающая, выверенная точность предельно коротких траекторий. Патрон шёл ко рту по прямой, зубы надрывали край без промаха, ладонь ложилась на полку вслепую, шомпол вылетал из скоб и входил в ствол единым слитным толчком локтя. Всё это происходило мерно и страшно спокойно, как у старого рыбака, который чинит сеть. За то время, пока я мучился с одним зарядом, Никита снарядил два ствола и уже выхватывал патрон для третьего.

— Понял, — сказал я и коротко, хрипло усмехнулся, упирая приклад фузеи в землю.

Никита покосился на меня с неприкрытой тревогой, вытирая рукавом пороховую полосу с губ:

— Ты чего это?

— Того, — я мотнул головой, стряхивая осыпавшуюся с бруствера землю. — Думал сам на бруствер лезть. А выйдет — только людей задержу. Я здесь самый медленный стрелок. И слава богу, что это сейчас выяснилось, а не через десять минут под огнём.

— Ну и слава те, господи, — с явным облегчением выдохнул Никита, оправив бороду. — А то я уж грешным делом подумал, капрал умом тронулся — сейчас начнёт нас учить, с какого конца за железо браться.

— Учить не стану. Я сделаю так, чтобы ты бил без передышки.

Я развернулся к редуту. В предрассветной серой мути низины тёмные чёрточки уже переставали быть неясными тенями — там угадывался мерный, тяжелый шаг шведской пехоты.

— Никита, ты и ещё трое, кто бьёт вернее всех, — на северный фас. Вы только стреляете. Сами не заряжаете вовсе. Никогда.

— Это как же — не заряжаем? — нахмурился Никита.

— А вот так. Дал выстрел — опустил ствол вниз, вдоль ноги, назад не оглядываясь. Руку отвёл — тебе в ладонь вкладывают готовое. Гаврила, Митроха, вы двое — на зарядку. Сюда, под земляной выступ, на колени, чтоб ни носа наружу. Ваша забота — чтоб в этом углу готовые стволы не переводились. Прокоп, Федька — вы подносчики. Таскаете от заряжающих к стрелкам на фас. По два ружья в руки, замками вверх, чтоб ни единого замка в грязь не уронить. А ну, повторить задачу вслух!

— Носим по два, замками кверху, — буркнул Федька, сжав кулаки и шмыгнув носом.

— Заряжаем сидя, под навесом, — отозвался Гаврила, уже усаживаясь на колени и раскладывая патроны на полу кафтана.

— Не оборачиваясь... — протянул Никита, взвешивая мысль, и глаза его блеснули из-под шапки. — Слышь, капрал... Это ж я тогда ни секунды без дела не стою. Знай цель выбирай.

— Тебе вздохнуть некогда будет. По местам!

Кобыла прянула ушами и бешено захрапела.

Где-то далеко, за пеленой тумана, гулко ухнул пушечный выстрел — звук прокатился тяжёлой вязкой дрожью по грунту, и запряжённая в телегу кобыла присела на задние ноги, взбрыкнула, с треском волоча передок. Окованный железом обод с визгом вспорол суглинок, заваливая телегу набок.

— Держи! Стой, родимая! — истошно заорал Савва, повиснув всем весом на уздечке.

Я метнулся наперерез, вцепился в постромку, но ладони соскользнули по натянутой сыромяти: чужие непривычные пальцы не знали конской сбруи, а обезумевшее животное выворачивало оглобли, таща нас обоих прямо на плетёные корзины с землёй.

— Режь гужи! — крикнул я Савве в самое ухо, пытаясь упереться сапогами в осыпь. — Режь постромки!

— Одурел?! Она ж казённая! Под суд пойдём!

— Савва! Потащит телегу — через минуту ни патронов у нас не будет, ни тебя, ни редута! Режь, отпускай её, телега останется здесь. Это больше не обоз. Это наш склад!

Савва ошалело моргнул, посмотрел на кобылу, на обитый железными полосами ящик под козлами — и рванул из-за пояса широкий нож.

Лезвие со свистом полоснуло по натянутой сыромяти. Отрезанные ремни хлестнули по бортам. Кобыла выметнулась из расщеплённых оглобель и длинным скачком ушла в предутреннюю муть, унося на шее обрывки сбруи.

Телега грузно осела ступицей на землю, завалившись набок окончательно и неподвижно, словно врытый в глину сундук.

— Ну вот... — выдохнул Савва, размазывая по щеке конскую пену и грязь. — Беги, дура. Хоть ты живая останешься.

К фасу подтащили шесть снаряжённых фузей и уложили их в ряд, прикладами в одну сторону, на расстеленную дерюгу, чтобы замки и дула не забило землёй. Я скользнул взглядом по железу, пересчитал ещё раз пальцем — ровно шесть готовых стволов в резерве.

Савва приволок сухой ящик к уцелевшему заднему колесу телеги и сел на него сверху, сжав колени.

— Учти, капрал, — хрипло бросил он мне в спину. — Он один такой у нас. Другого пороха нет.

— Учту.

Первый шведский выстрел расколол тишину.

Свинцовая пуля с сухим треском вошла в борт телеги, выбив щепу. От этого глухого удара по всему редуту людей словно прижало к земле: стоявшие разом осели на корточки, а сидевшие вжали головы в плечи.

— Все к северному фасу! — скомандовал я. — Ружья с рогожи не хватать, они там лежат для нас!

Они шли не плотно.

Это стало ясно в первую же секунду, как только я распластался на бруствере северного фаса и вгляделся в предрассветную муть, откуда тянуло росой, сырой примятой травой и горьковатым торфяным дымом.

На батальных картинах и в старых книгах пехота всегда идёт сплошной железной стеной. Здесь никакой стены не было. Шведы выходили из тумана рваными группами: восемь человек, пустой прогал, четверо, снова десяток. Каждая цепь шла своим шагом, обтекая мокрые рытвины и кустарник. Синее сукно кафтанов в сумерках казалось почти чёрным, и только жёлтые обшлага да холодный блеск штыков выдавали, что это не тени.

— Гаврила, отставить! — я перехватил ствол его фузеи за дульную часть и прижал к бруствeру. — Далеко!

— Так видать же их, капрал!

— Видеть — не значит попасть. Никита, растолкуй ему.

— Далеко, паря, — не шевельнувшись, процедил Никита, вперив немигающий взгляд в лощину. — Со ста шагов ты в человека попадёшь один раз из четырёх. С сорока — трижды снимешь. У нас на четверых восемь готовых стволов. Считай сам.

Гаврила шевельнул серыми от пороха губами и нехотя опустил мушкет.

Я пополз на локтях вдоль бруствера, глядя уже не на шведов, а под ноги. Я искал не врага — я искал место, где эта наспех насыпанная земля нас предаст.

И нашёл.

Левый угол, куда я ещё впотьмах определил Митроху с лопатой, оказался ниже остального вала на добрых полтора локтя. Но главное — снаружи, у самого его основания, темнела пологая куча вынутого суглинка: слежавшаяся, с набитой тропой поверху. Вчера копальщики таскали по ней плетёные корзины и накатали себе пологий, удобный пандус.

Удобный в обе стороны.

— Никита, сюда, — негромко позвал я. — Глянь. Что видишь?

Никита подтянулся на локтях, выглянул через срез дёрна и смачно, сквозь зубы, выругался:

— Лестницу вижу. Прямо в ров.

— И я. Слушай задачу: ты и Гаврила держите фронт по прямой. Прокоп, Митроха — лопаты в руки, бегом к углу! Сбрасывайте эту осыпь вниз, чтоб ни бугра не осталось. Следом валите поперёк прохода две фашины, вон те вязанки хвороста. Повторить приказ!

— Срываем насыпь, валим две фашины поперёк! — глухо отозвался Митроха, уже волоча заступ по глине.

— Федька! — я повернулся к мальчишке, заставив его вздрогнуть и вскинуть испуганные глаза. — Ты встаёшь к левому углу. Стреляешь только по моей команде. Твоё дело — не героя корчить, а смотреть в оба. Если кто полезет по этому откосу — кричи во всю глотку. Повтори!

— Стою у угла... кричу, если полезут! — часто закивал он.

— Молодец. Шапку натяни пониже и держись за вал.

Шведы приближались. Шестьдесят шагов... я ещё держал залп.

Сорок пять шагов.

Я вжимался грудью в бруствер, чувствуя сквозь тонкое солдатское сукно стылый сквозняк меж лопаток, и мерял секунды собственным пульсом в висках — других часов здесь не

было. Справа от меня Никита дышал глубоко и размеренно, словно перед нырком в ледяную воду.

— Далеко ещё, капрал? — сдавленно прошипел Гаврила, судорожно стискивая ложе.

— Жди... подпусти ближе.

На тридцати шагах сквозь серую дымку проступило лицо переднего шведа: немолодое, обветренное, со скулами и приоткрытым ртом. Солдат поднимался по пологому склону и тяжело дышал от долгого подъёма.

— Огонь! Бей!

Четыре фузеи грохнули почти в единый, сокрушительный раскат. Приклад с отдачей больно впечатался мне в ключицу — плечо обожгло, а весь видимый мир в то же мгновение перечеркнула слепящая желто-багровая вспышка.

Такой плотности дыма я не ожидал. В теории я знал, что дымный порох даёт копоть, но чтобы перед глазами мгновенно встала непроницаемая, жирная белая стена — к этому привыкнуть было нельзя. Низовой ветер гулял в лощине, а над самым бруствером воздух застыл, и белое облако повисло тяжёлым монолитом. В двух вершках ничего не было видно: ни поля, ни врага, ни попаданий. В нос и глотку ударила удушливая серная гарь.

— Пустые вниз! — заорал я в эту белую муть. — Подносчики, подавай готовые!

Оружие пошло из рук в руки. Сзади кто-то глухо охнул, споткнувшись на осыпи, Гаврила грязно выругался, нащупывая протянутое ложе, а мне в ладонь с сухим стуком легло заряженное ружьё — горячее от чужих пальцев, пахнущее салом и гарью.

Дым наконец потянуло кверху, он начал рваться рваными клочьями.

На склоне ничком лежали трое. Ещё двое укрылись у самого внешнего откоса рва, вжавшись спинами в глину, и оттуда, снизу, вели прицельный огонь: свинцовая пуля взвизгнула над моим ухом и выбила из гребня бруствера фонтан сухой земли прямо мне в лицо.

Остальная шведская цепь не дрогнула и не побежала. Они быстро забирали влево.

Их вёл офицер с полупикой — сухощавый, невысокий, в широкополой поярковой шляпе без пера. Он не кричал, не махал шпагой: лишь скупо чертил полупикой направление в воздухе и первым скользил по низине, а уцелевшие солдаты тянулись за ним след в след, словно нитка за иглой.

Он вёл их прямо на наш недосыпанный угол.

— Никита, они смещаются! Уходят из сектора!

— Вижу! — отозвался тот, уже разворачивая ствол.

Слева, петушиным срывом, истошно завопил Федька:

— Он тут! Тут он, внизу, в яме!

Грохнул выстрел — мальчишка не выдержал и спустил курок. Вспышка озарила край рва, и через долю секунды пуля с глухим шлепком впилась во влажную землю далеко в стороне: промах был бестолковый, детский.

Но Федька не отпрянул. Вместо того чтобы спрятаться за насыпь, он перегнулся через край и заорал ещё отчаяннее, тыча перепачканным пальцем под себя:

— Он не там! Он уже во рву! Под нами сидит!

И это переломило бой.

Пока мы держали фронт, офицер с полупикой уже успел втолкнуть первого стрелка вниз по набитому спуску. Тот забился на самое дно рва, в мёртвую зону, куда сверху с бруствера нельзя было достать никаким прямым огнём.

Фронтальный огонь больше ничего не решал: шведы ушли из сектора.

— Гаврила, остаёшься с двумя стволами, держишь середину! — крикнул я, уже перекатываясь на бок и сдирая локти о щебень. — Никита, к углу! Прокоп, фашины вали!

Я скатился к левому стыку и увидел то, чего и боялся: в узкой щели между сброшенной осыпью и крутой стенкой рва стоял рослый швед и уже подавал руку следующему, затягивая его наверх.

— Фашину! — рявкнул я. — Вали связку!

Митроха с Прокопом перехватили толстую плетёную вязанку хвороста за торцы и с натужным кряхтением сбросили её вниз.

Тяжёлая связка перевернулась в воздухе и с глухим треском рухнула прямо поперёк прохода. Швед внизу едва успел отшатнуться, прикрыв лицо плечом.

— Вторую следом! Вали!

Митроха с размаху впечатал сапог в край осыпи и столкнул вторую фашину вдогон. Хворост лёг крест-накрест, намертво закупоривая горловину.

Щель между насыпью и стенкой сузилась до ширины плеч. И в этом завале оставалось ровно одно место, куда идущий снизу мог опереться ногой.

— Никита, — я перехватил его за плечо и указал пальцем в узкий просвет меж сучьями. — Не пали зря. Бей того, кто сунется вот сюда, на этот комель. Только его.

Никита положил ствол на бруствер, припал щекой к ложу и замер, выжидая.

Хлопнул первый выстрел. Никита, не отрывая взгляда от щели, лишь отвёл назад правую руку — Федька с перепуганным, решительным лицом сунул ему в ладонь свежую фузею, и Никита ударил второй раз.

Снизу донёсся сдавленный стон, кто-то тяжело покатился по глине.

Офицер с полупикой медленно отступил от завала.

Он не побежал и не заметался. Он сделал размеренный шаг назад, поднял холодные, цепкие глаза на наш бруствер, затем скользнул взглядом влево, вдоль линии рва. Я совершенно отчетливо понял, о чём думает этот человек в шляпе без пера: не здесь. Ломать роту об этот угол он не станет.

Офицер коротко свистнул в два пальца и повёл уцелевших солдат по дну рва — дальше, в обход редута, туда, где кончались наши укрепления и начиналось чистое поле.

— Уходят! — в восторге заорал Митроха, вскидывая лопату. — Бегут, братцы!

— Не каркай, дурья башка, — оборвал его Никита, отирая нагар со лба. — Никуда они не бегут.

Внизу, возле осевшей телеги, кто-то жалобно и тонко застонал.

Я скатился по откосу во внутренний дворик. Савва лежал под задним колесом, скорчившись на боку и судорожно вцепившись обеими руками в собственное бедро. Сквозь его пальцы сочилась тёмная, почти чёрная кровь.

— Я её пустил... — прошептал он, едва я опустился рядом на колено. — Видал, капрал? Пустил кобылу-то. Ушла скотина...

— Видел. Молодец, всё правильно сделал, — я выхватил нож и распорол ему окровавленное сукно штанины. — Держись.

Рана пришлась в наружную мякоть бедра: длинная, рваная борозда от полуаршинной дубовой щепы, выбитой шведской пулей из борта. Сама пуля ушла в грунт, но дерево располосовало ногу до мяса. Я полоснул лезвием подол своей нижней холщовой рубахи, оторвал длинную крепкую ленту и туго, с усилием перетянул ногу выше раны, наложив давящую повязку. Сверху накрыл разорванным сукном и прижал ладонью Саввы.

— Держи здесь. Изо всех сил, ладонью. Не отпускай, пока не вернусь. Слышишь? Повтори вслух!

Савва зашипел от боли, стиснул зубы и прижал повязку:

— Держу... держу, капрал. Да что ж ты меня всё говорить-то заставляешь, словно попа на исповеди?

— Чтоб кровью не истёк и в беспамятство не ушёл, — бросил я.

Ответить он не успел.

Из-за нашей спины — оттуда, где раскинулись тылы, линия соседних редутов, обоз и дорога к главному лагерю, докатился тяжёлый, чужой гул.

Там гремели мерные батальонные залпы. Далёкие, сухие, частые. А в коротких паузах между ними утренний ветерок доносил чужие, лающие гортанные выкрики на шведском языке.

Я медленно поднялся на ноги и посмотрел назад, в сторону, где по всем правилам войны должен был находиться наш надёжный тыл.

— Никита, — негромко сказал я, подходя к внутреннему скату. — Мы, кажется, только что намертво отстояли позицию, которую больше нет никакого смысла держать.

В середине редута, на низкой внутренней насыпи, стоял барабан.

Барабанщик лежал рядом, лицом вверх, и по его расстёгнутому кафтану уже ползла муха. Это был взрослый мужик с тяжёлой челюстью, и палочки он держал в правой руке обе, зажав их в кулаке, как держат нож.

Возле него на коленях сидел мальчишка лет четырнадцати, в такой же перевязи, и тянул к барабану руку, и не дотягивался, потому что ниже колена у него нога уходила вбок под неправильным углом.

— Тишка, не лезь, — сказал ему кто-то сверху.

Голос был молодой, злой и очень старательно ровный.

Поручик Головин сидел на насыпи, широко расставив ноги, и заматывал себе голову офицерским шарфом. Кровь шла у него из-под волос над левым ухом, заливала щёку и капала на белый отворот кафтана. Он мотал головой, чтобы стряхнуть её с глаза, и от каждого движения его вело в сторону.

— Рябов, — сказал он, увидев меня, и попытался встать. — Рябов, кто велел людям сойти с южного фаса?

— Я.

— Ты? — Головин всё-таки встал, качнулся и упёрся рукой в барабан. — Кто ты такой, чтобы...

— Господин поручик, — я подошёл вплотную, взял его под локоть и придержал: он уже валился набок. — Сядьте. Я Вам через минуту всё скажу, а Вы через минуту сможете это слушать.

— Убери руку.

— Уберу, когда сядете.

Головин тяжело опустился на землю. Ему было лет двадцать три, шея тонкая, нос вздёрнутый, мальчишеский. Я видел, на чём держится сейчас вся его власть: он знал приказ и не собирался от него отступать ни на шаг.

— Мне приказ дан... — Головин сглотнул, горло у него перехватило, он судорожно вцепился пальцами в кожаный обод барабана. — Мне велено стоять на этом редуте насмерть. Слышишь, капрал? Насмерть! Ни шагу назад. Барабанщика вон... убили к лешему. Сигнал подать некому. Да хоть бы и жив был — не отступлю, пока от полковника ординарец не прискачет. Не имею права!

— Я не прошу Вас уходить, — сказал я.

— А чего ты просишь?

— Я прошу пять минут.

Я присел на корточки перед тыльным откосом — тем самым, который смотрел назад, к своим, и провёл по нему ладонью.

Земля была рыхлая, свежая, и в ней на высоте по грудь стоящему человеку, а местами и ниже, темнели глубокие воронки от пуль. Я насчитал шесть на пяти шагах.

— Господин поручик. Поглядите сюда. Вставать не надо, я сам покажу.

Я сковырнул ногтями рыхлую глину вокруг пулевого отверстия. Канал уходил вглубь наискось. Запустил два пальца, подцепил и вытащил кусок свинца — сплющенный с одного бока, ещё хранящий тепло выстрела, с налипшими крупицами суглинка.

Я положил пулю Головину на дрожащую ладонь:

— Свежий свинец. Земля вокруг ещё не осыпалась. Десяти минут не прошло, как вбило.

Головин повернул свинец пальцами. Ему было скверно, его мутило от контузии, и он изо всех сил старался этого не выдать.

— Ну? И что с того?

— А то, господин поручик, что этот откос смотрит вон туда, — я показал рукой назад, в сторону дороги и дальних редутов. — В спину нам. На наших. С северного фаса ни один человек сюда выстрелить не мог, разве что сам себе через затылок пулю пустит. Значит, били сзади. И канал идёт снизу вверх. Это не шальная пуля со второго редута — стреляли из низины за нами, с расстояния шагов в двести. Шведы уже там, за нашей спиной. Человек тридцать, не меньше, и они пристреливают наш тыл.

Головин молчал, вглядываясь в серую мглу за редутом.

Наверху, на фасе, коротко хлопнуло, и Никита что-то негромко сказал — спокойно, буднично, как говорят на привычной тяжёлой работе.

— Ты хочешь сказать... нас отрезали? — с трудом разжимая побелевшие губы, выговорил Головин.

— Я хочу сказать, что пока не знаю: отрезали нас намертво или просто прошли мимо. Но я хочу это выяснить, — я говорил негромко, ровно, чтобы не бить по его раскалывающейся голове. — Дайте пять минут. Я беру с собой мальчишку, мы спускаемся во внешний ров — не по открытой дороге, по дну, смотрим, остался ли за нами свободный проход к лесу, и я тут же возвращаюсь с докладом к Вам. Никита на фасу останется старшим, он справится лучше меня, я это уже проверил.

— А если проход есть?

Глава 3

— Тогда Вы будете знать, что он есть. И решать будете Вы.

Головин с трудом поднял на меня воспалённый взгляд: левую бровь заливало тёмной кровью, и он смотрел одним глазом, часто моргая от боли.

— Пять минут, — выговорил он, с силой вцепившись пальцами в край барабана, чтобы не повалиться. — Только осмотреться. Никакой самовольщины, капрал. И... Рябов.

— Слушаю, господин поручик.

— Найди мне барабанщика. Хоть кого из легкораненых. Пока в этом редуте бьёт барабан — в главной линии и на соседних фасах знают, что мы держимся. Нельзя, чтоб сочли, будто рота легла.

Я повернулся к Тишке. Мальчишка сидел на земле, обеими руками прижимая к себе вывернутую, неестественно кривую ногу. Он не скулил и не плакал — только судорожно хватал воздух раскрытым ртом.

— Тишка, — я опустился перед ним на колено, тронул за худенькое плечо. — Дробь выбьешь?

— Выбью! — мальчишка вскинул мокрое, посеревшее от боли лицо и вцепился в деревянные палочки. — Руки-то целые, дяденька капрал! Руками я всё смогу!

— Значит, будешь бить. Сейчас тебя подсадят к барабану, посадят на мешок, чтоб доставал. Бей ровно то, что велит господин поручик, и больше ничего. Повтори приказ вслух!

— Бить, что велит господин поручик, — отчеканил Тишка. В глазах его сквозь страх блеснуло упрямство, и он наконец шумно перевёл дух, перестав ловить воздух ртом.

Я выпрямился. Сзади, в трёх шагах, втянув голову в плечи, стоял Федька и жадно ловил каждое слово.

— Пойдёшь со мной.

— Куда, дядь Андрей?.. — мальчишка испуганно моргнул.

— Искать щель, куда отходить будем. Придётся много ползти на брюхе, а потом бежать назад во весь дух. Бежать будешь один, без меня.

Федька судорожно сглотнул, глядя на меня снизу вверх:

— А ты как же?

— А я останусь прикрывать твой отход и досмотрю лазейку. Пошли, не отставай.

Внешний ров оказался глубже, чем казался сверху, и петлял вокруг редута неровно — вчерашние копальщики обходили валуны и старые древесные пни.

Мы ползли по его дну на локтях, волоча за собой фузею с разряженным замком. Земля здесь была стылая, слежавшаяся, с торчащими белыми корешками, и густо пахла погребом. Над головой, на уровне груди стоящего человека, то и дело с сухим присвистом проходили шальные пули.

— Стой, — шепнул я, придержав мальчишку за полу кафтана.

Я перевернулся на спину и прислушался.

Справа, шагах в ста пятидесяти, за краем бруствера, переговаривались. Чужой язык звучал твёрдо, гортанно, с длинными гласными; говорили без крика, отрывистыми вопросами и такими же скупыми ответами. Затем прозвучала резкая команда, и после неё сухо хлопнуло четыре выстрела подряд — не слитным залпом, а вразнобой, с короткими паузами.

Я начал считать про себя: после четвёртого щелчка повисла вязкая тишина. Я отсчитал двадцать три удара на вдохах, и лишь тогда за бруствером хлопнуло снова — тремя сухими, короткими выстрелами.

— Федька, считай со мной, — шепнул я мальчишке в самое ухо. — Сколько ударов сердца пройдёт от последнего их выстрела до того, как начнут палить снова.

— Я собьюсь, дядь Андрей...

— Не собьёшься. Считай по пальцам, загибай по одному.

Мы пролежали три огневых промежутка. Всякий раз выходило почти в точности: двадцать с небольшим счётов на скусывание патрона и работу шомполом, затем три-четыре выстрела, и снова двадцать счётов тишины.

— Хорошо, — сказал я. — Теперь проверим, докуда их стрелки видят ров. Дай шомпол.

Я снял с головы суконную солдатскую шапку — влажную от чужого пота, насадил её на конец шомпола и, лёжа на боку, плавно выдвинул над бруствером. Медленно, словно поднимается человек в полный рост.

Тишина. Ни одного звука.

Я опустил шапку, прополз десяток шагов вперёд по дну рва и поднял шомпол снова, на новом срезе.

Ударило мгновенно. Железный прут рвануло в ладони с такой силой, что обожгло пальцы; шапку сбило свинцом и унесло назад, а по краю бруствера в двух вершках от моего виска брызнули комья суглинка.

— Вот так, — процедил я, стирая с ресниц колючую грязь. — Отсюда и дальше сектор простреливается намертво.

Я прополз ещё шагов пятнадцать, к самому изгибу, где канава круто заворачивала в обход выступа, и осторожно выставил пустой конец шомпола. Никакого выстрела не последовало.

— А здесь — мёртвая зона. Изгиб закрывает нас от их стрелка. Всё, что за поворотом, — наше.

Я опустился спиной на глиняный откос и стал быстро выкладывать перед Федькой серые камешки — чертить на весу было нечем, да и сложную схему пацан в панике мог перепутать.

— Смотри сюда внимательно. Вот этот камень — наш редут. Второй — лощина за ним. Третий — опушка леса. А вот здесь, — я прижал пальцем четвёртый голыш, — сидит их стрелок и держит под прицелом прямую полосу. Пойдут наши через лощину напрямик — всех положит в упор. Но если взять вправо, по дну этого рва до изгиба, а от изгиба сразу рвануть под кромку леса, в кусты, — они нас не достанут. Проход узкий, идти только по двое, не кучно. Повтори маршрут.

Федька шумно засопел, не отрывая взгляда от камешков:

— Не напрямик... правее... по дну до кривого колена... а оттуда сразу под кусты. По двое.

— Ещё раз повтори, крепче!

— Правее, вдоль рва до кривого места, оттуда под кусты, по двое! — скороговоркой выпалил Федька.

— Теперь бегом назад. Передашь всё Никите и господину поручику. Обоим лично, слово в слово. Спросят, откуда вызнал, скажи: капрал шапку на шомполе подымал, мёртвый угол нашёл.

— А ты как же?

— Я пройду дальше, гляну, куда этот лаз выходит. Пошёл!

Мальчишка метнулся назад — сперва на четвереньках, а за изгибом вскочил на ноги. Я услышал, как он часто шлёпает сапогами по раскисшей глине.

Я остался один и пополз вперёд, огибая поворот, туда, где ров становился мельче. И через сорок шагов уткнулся носом прямо в чужой сапог.

Их было двое. Они соскользнули в канаву с противоположной стороны — там, где наружный бруствер обвалился, — и крались мне навстречу, пригнувшись, держа фузеи наперевес. Передний как раз нагибался, чтобы протиснуться под торчащим древесным корнем.

Расстояние — не больше восьми шагов. Моё собственное ружьё было разряжено ещё на северном фасе. Кричать нельзя: крик услышат не свои за насыпью, а шведы на огневой позиции.

Вскинув руки без замаха, я изо всей силы швырнул бесполезную фузею через край рва — назад и вбок. Окованное железом ложе с треском и грохотом врезалось в валежник, ломая сучья так шумно, будто в кусты с бруствера рухнул человек.

Оба шведа мгновенно развернулись на хруст. Передний бросил отрывистую команду, и они двинулись на полусогнутых к месту падения, взяв оружие на изготовку.

Я рванул из осыпавшейся стенки заступ, оставленный вчерашними копальщиками. Драться врукопашную против двух готовых штыков было самоубийством. Подпустив заднего на два шага, я шагнул из-за корня и наотмашь вогнал лезвие лопаты не в грудь, а сбоку под коленную чашечку, вложив в удар весь вес тела. Сустав с хрустом вывернулся, швед захлебнулся криком и кулем осел в осыпь, увлекая за собой пласт сухой земли.

Передний солдат резко обернулся, вскидывая ствол, но я уже мчался в противоположную сторону — к дальнему концу рва, где стенка сходила на нет. Выстрел грохнул вдогон, пуля с визгом вспорола воздух над моим плечом.

Ров внезапно оборвался крутым оврагом в полтора человеческих роста.

Не раздумывая, я прыгнул вниз, сгруппировался, прокатился боком по осыпи, сдирая левое плечо о щебень, и вжался в сплетение корневищ. Наверху затопали сапоги, чужой голос яростно окликнул кого-то, снизу отозвались. Я затаил дыхание и не двигался, пока шаги и перекличка не удалились в сторону низины.

Лишь тогда я рискнул перевести дух — и в глазах потемнело от острой вспышки. В левом боку под рёбрами полыхнуло знакомой, злой судорогой: старый, плохо сросшийся перелом прежнего хозяина тела отозвался на удар так, словно туда снова вогнали сапог. Каждое движение лёгких резало нутро. Ружья не было, шапку сбило, содранное плечо саднило огнём, но главное было сделано: проход существовал.

Обратно по разведанному отрезку я не сунулся — там наверняка выставили дозор. Я обогнул осыпь низиной, цепляясь правой рукой за корни, а левую прижимая к ноющим рёбрам, чтобы унять боль при каждом шаге. Дважды замирал в высокой траве, пропуская далёкие патрули. Из редута доносился ровный, глуховатый барабанный бой — Тишка продолжал выбивать дробь. Значит, поручик Головин держал слово и ждал моего возвращения. Когда впереди мелькнула долговязая Федькина фигура, я облегчённо выдохнул: мальчишка дошёл и передал всё в точности.

Тыльная лощина за редутом оказалась неглубокой — чуть больше двух аршин, но её глубины вполне хватало, чтобы скрыть идущую цепь с головой. По дну тянулась сухая промоина, поросшая крапивой и молодым кленовником.

Когда я скатился на дно, там уже собрались Головин, Никита, Федька и шестеро солдат с носилками, наспех собранными из подручного дерева.

— Прибежал твой посыльный, талдычил как заведённый, — проворчал Никита вместо приветствия, оглядывая меня с ног до головы. — Слово в слово, трижды отбарабанил. Чем ты его опоил?

— Головой он думает, вот чем, — ответил я, вытирая глину со щеки. — Господин поручик, выход есть. Я сам пролез до конца. Дно рва до колена, оттуда подлеском под кромку леса. Идти строго по двое.

Головин стоял, тяжело привалившись плечом к древесному пню. Шёлковый офицерский шарф на его голове набух тёмной кровью и сполз на ухо.

— Раненых не брошу, — глухо, сдавленно произнёс он.

— Никто и не предлагает бросать.

— Тогда говори дело! — Головин попытался выпрямиться, но его качнуло, и он снова оперся о пень. — У меня четверо лежачих. У мальчишки нога расщеплена, у Саввы бедро пропорото. Ты предлагаешь мне тащить их на руках под пулями через полверсты открытого поля?

— Я предлагаю не лезть сразу к лесу, — я опустился на корточки и провёл пальцем черту по сухой глине промоины. — Разобьём отход на два броска. Первый — от редута до этой лощины, шестьдесят шагов, из них сорок — в мёртвом непростреливаемом углу. Это делаем прямо сейчас, пока Никита с шестёркой стрелков держит северный фас и шведы уверены, что вся рота на валу. Сюда переправляем всех тяжелораненых и половину бойцов. Второй бросок — отсюда до опушки, пойдём уже всей группой, сомкнуто.

Головин на мгновение прикрыл веки, пересиливая тошноту.

— Носилки из чего вязали?

— Два шеста, солдатский кафтан рукавами внутрь, пуговицы наглухо, шесты в рукава. Девять пудов сдюжит, если нести вчетвером. Я покажу, как вязать узлы.

Я показал. Пальцы прежнего Рябова вязали сыромятные ремни и верёвки уверенно, по старой солдатской привычке; я лишь направлял их движение.

Пока солдаты стягивали шесты, я распределял очерёдность:

— Тишку нести первым. У него открытый перелом, он мал годами, дорогу снесёт, пока держится на духу. Следом Прокоп — у него рассечено плечо, ноги целы, пойдёт сам, держась за ремень впереди идущего. Дальше...

— Дальше меня волоките, — подал голос Савва.

Он сидел на перевёрнутой корзине, вытянув туго перевязанную ногу, и хмуро разглядывал готовые носилки.

— Тебя вторым, — подтвердил я. — Ложись на сукно.

— Не лягу, капрал.

— Савва, не дури.

— Сказал — не лягу, — Савва упрямо мотнул бородой в сторону барабанщика, которого осторожно перекладывали на шесты. — У меня мясо рваное, заживёт, а у пацана кость торчит. Он там сидел, душой не дрогнул, дробь бил до последнего. Его несите вчетвером, чтоб не растрясти, а я на одной ноге допрыгаю.

— Кровью изойдёшь на полпути.

— Не пугай, я тебя ещё безусым рекрутом помню, — Савва протянул корявую руку. — Дай шомпол. Вон тот, от разбитой фузеи. Обопрусь вместо костыля.

Я молча протянул ему железный прут. Можно было настоять на приказе, привести дюжину трезвых доводов про темп движения и риск открывшегося кровотечения, но Савва сделал этот выбор сам, на глазах у всех бойцов. Отобрать у него это решение значило сломать человеку хребет перед лицом смерти.

— Ладно, — сказал я. — Тогда меняем порядок. Все ходячие раненые получают по напарнику. Не волочить, не тащить на себе — просто идти рядом плечом к плечу и страховать за поясной ремень. Прокоп, ты ведёшь Савву. Митроха, забираешь Тишкин барабан и перевязь, понесёшь следом.

— На кой чёрт нам барабан в лесу? — удивился Митроха.

— На тот, что рота выходит со своим знаменем и боем, — отрезал я. — К вечеру снова в него ударим. Ходячим раненым — отдельный приказ. Каждому взять в руки по лёгкой ноше: запасную лядунку, перевязь, лишний мушкет. Не для того, чтоб вас нагрузить, а чтоб шаг держали. Когда обе руки заняты делом, человек не валится набок от слабости и держит ось движения. Сами увидите.

Первый эшелон переправили в четыре захода ровно за семь минут.

Носилки с Тишкой четверо бойцов несли короткими мягкими перебежками, опуская на землю по счёту, чтобы не дёргать раздробленную кость. Савва ковылял сам, наваливаясь на железный шомпол и всю дорогу монотонно, сквозь зубы матерился — ровно, размеренно, словно читал заупокойную молитву.

Головин оставался на рубеже. Он стоял у пролома в тыльном бруствере, через который выходили группы, лично провожал каждого бойца и коротко касался плеча.

— Я пойду последним, — тихо бросил он мне, когда я пробегал мимо. — После всех, Рябов. Это не офицерская спесь. Уйду первым — молодые сорвутся в бег. Останусь здесь — рота выйдет строем.

— Знаю, господин поручик, — ответил я. И это было чистой, выстраданной правдой.

К пролому в тыльном бруствере мы вышли, когда предутреннее небо на востоке окончательно посерело и проявились черты лиц.

Пролом был тесным — едва разойтись двум бойцам в плечах, и через него уже переправили всех, кого могли. В лощине укрылись раненые, стояли носилки, а на своём железном ящике сидел Савва: ящик приволокли следом за ним, потому что расстаться с полковым боезапасом он отказался наотрез.

На северном фасе оставались Никита и шестеро стрелков.

У самого выхода из пролома стояла брошенная обозная телега. Она застряла здесь ещё вчера: сухой порох вынесли, но внутри остались пустые короба, ворох рваной соломы и рассыпанные подмоченные патроны, почерневшие от сырости. На расщеплённой левой оглобле на ржавой проволоке болтался закопчённый масляный фонарь Саввы.

— Федька, ко мне, — позвал я мальчишку. — Слушай в оба уха. От тебя зависит, выйдет Никита с фаса живым или ляжет там со всеми.

Федька подобрался и вытянулся в струнку.

— Голосом до вала не докричаться, барабан унесли. Сигнал будет зримым. Гляди сюда.

Я вытянул руку с шомполом вертикально вверх на всю длину.

— Вот так. Никаких взмахов, никаких кругов. Поднял железку и держишь прямо, чтоб Никита чётко видел чёрный штырь на фоне светлеющего неба. Заметит знак — снимет людей и поведёт сюда. Но поднимешь не раньше времени. Только после того, как вторая пара наших стрелков у пролома сделает залп по преследователям. После выстрелов! Повтори!

— После выстрелов второй пары вскидываю шомпол прямо и держу, — твёрдо произнёс Федька.

— А до выстрелов?

— До выстрелов ни в коем разе не подымаю.

— Стой здесь и жди моей команды.

Я выставил в горловину пролома Прокопа и длинного стрелка, приказав держать на прицеле подходы, и повернулся назад — забрать Головина.

И в эту самую секунду по телеге хлестнул шведский выстрел.

Свинцовая пуля перебила проволоку и пробила жестяной корпус фонаря. Стекло лопнуло с сухим звоном, чаша сорвалась вниз, и вспыхнувшее масло широким огненным языком плеснуло по сухому сену на дне кузова.

Солома занялась мгновенно.

Огромное рыжее пламя с гулом взметнулось ввысь, озарив весь тыльный фас: лица людей, борта, рассыпанные сырые патроны, которые от нестерпимого жара вот-вот должны были начать рваться, засыпая искрами узкий лаз.

Сухой, обжигающий жар ударил прямо в глаза.

— Савва! — заорал я во всю глотку. — Верёвку руби! Короб к борту прикручен, руби к лешему!

Савва, позабыв про раненую ногу, уже полз к телеге на локтях, зажав тесак в зубах.

Я вскинул свой шомпол обеими руками вверх, намереваясь зацепить горящий угол ящика и своротить его с козел.

Поднял вертикально над головой.

На фоне бушующего рыжего пламени и предрассветного неба шомпол отчётливо вычертил прямую чёрную линию.

— Никита-а! — истошно взвизгнул Федька за моей спиной, вскидывая свой шомпол обеими руками. — Никита, отходи-и!

Я рванулся всем корпусом, едва не выронив прут:

— Стой, дурак! Назад!

Было поздно.

На северном валу, в двухстах шагах от нас, стрелки уже срывались с позиций. Никита отводил людей грамотно, попарно, прикрывая друг друга, но они отходили в пустоту: вторая пара стрелков у пролома ещё даже не успела изготовиться к бою, ослеплённая полыхнувшей телегой.

Шомпол взмыл над огнём, и я сам, неловким движением, сорвал оборону фаса раньше срока. Доли секунды хватило, чтобы понять масштаб беды, но времени на отчаяние не оставалось.

— Прокоп, длинный — бить по очереди! — крикнул я стрелкам у пролома. — Один бьёт, второй выцеливает! Не давать шведам поднять головы! Савва, перерубил?!

— Отодрал! — прохрипел Савва, отваливаясь от колеса. — Свободен короб!

Деревянный короб, набитый пылающей соломой, висел на самом краю рассохшегося борта.

— Федька, за мной! — я упёрся концом шомпола в просмолённый угол. — Толкай железом! Вдвоём, на счёт «три», прямо в горловину пролома!

Мальчишка подскочил, сжал свой прут побелевшими пальцами, и на третий счёт мы слитным усилием столкнули пылающую массу вниз.

Ящик с грохотом рухнул в узкий проход, раскололся и рассыпался по суглинку сплошным костром. Сырая трава и прелое сено под ним мгновенно занялись густым, удушливым белым чадом. За считанные мгновения плотная дымовая завеса накрыла пролом, телегу и всё предполье.

— Уходим! Пошли, пошли! — я заталкивал бойцов в чадную пелену одного за другим. — Головина держите под руки! Носилки не качать!

Мы врезались в дымовой вал, обжигая лёгкие едкой гарью. Сзади, наугад в белую непроглядную стену, запоздало шлёпнула шведская пуля — и со свистом взвизгнула о сухой, истоптанный суглинок далеко правее нас.

Глава 4

Прокоп выстрелил. Дождался, пока дым отнесёт в сторону, и следом сухо грохнул выстрел длинного.

Головин шёл сам — до последнего шага.

Он выходил из редута предпоследним, уже в самом зеве пролома обернулся через плечо, чтобы оглядеть покинутый вал, и в этот миг его настигло.

Я увидел, как поручика резко развернуло вполоборота от страшного, глухого удара в бок. Ноги у него подкосились, он судорожно сложился пополам, захлебнувшись воздухом, и начал оседать на землю — мы с Прокопом едва успели подхватить его под мышки.

— Господин поручик!..

Головин заваливался набок, зажмурившись до белизны в скулах, и обеими ладонями судорожно вжимался в левое подреберье. Сквозь его скрюченные пальцы и разорванное сукно офицерского кафтана уже толчками сочилась тёмная, горячая кровь.

— Я... кажись, всё... — хрипло, едва разжимая сведённые судорогой губы, вытолкнул он из перехваченного горла.

Свинцовая пуля вошла ему глубоко под рёбра слева, наискось пробив полость живота.

Белый дым от горящей соломы уже редел, уносимый утренним сквозняком. С северного вала, который мы только что оставили, к пролому в темноте бежали наши стрелки.

— Федька, назад! — заорал я, не отпуская обмякшего офицера. — Ко мне, живо!

Мальчишка мог не послушать: натворив беды с фальшивым знаком, он был в панике и мог припустить дальше со всей ватагой, а потом до конца жизни твердить себе, что в грохоте боя не расслышал окрика. Но Федька вернулся. Он подбежал с белым, перекошенным лицом, с трясущимися губами и с разбегу плюхнулся на колени прямо в суглинок.

— Дядь Андрей... я не то содеял, да? — прерывисто зашептал он, давясь слезами. — Я знак не тогда подал, я всё сгубил...

— Потом выть будешь, — оборвал я жестко. — Хватай поручика под левую мышку, я держу под правую. На счёт «три» поднимаем и прём вперёд. Не опускать, пока в лощину не скатимся. Взяли!

Мы подняли Головина и поволокли сквозь рассеивающийся чад — тяжело, оступаясь на рыхлых земляных комьях. Поручик повис между нами тяжёлым кулем; голова его бессильно моталась, но он сквозь полузабытьё всё ещё пытался слабо скрести носками сапог по траве, силясь нам помочь.

За нашими спинами, в брошенном редуте возле горящей телеги, начали рваться от жара рассыпанные испорченные патроны — редко, сухо, вразнобой, словно в печи стреляло сырое смолистое полено.

Сухой полковой ящик Савва сберёг: доволок в спасительную лощину и пристроил под узловатым корневищем. За остальным добром к телеге сунуться было уже нельзя: огонь по сухому бурьяну быстро пошёл вдоль всего тыльного вала, отрезая редут сплошной полосой дыма и треска.

В спасительный массив леса вошли вчетвером на двенадцать: двенадцать бойцов, способных держать мушкеты, и четверо раненых.

Дым волочился за нами низом, протискиваясь между древесными стволами, стелился по кустарнику и надёжно отрезал редут от преследователей. Он глухо заволок всё поле: забитую фурами дорогу, лощину, горбы дальних земляных редутов и ту сторону, где должна была стоять русская главная позиция.

Лес начался внезапно, без пологой опушки. Только что под сапогами путался поясной кустарник — и вдруг встали вековые стволы: снизу чернеющие сырой корой, сверху серые в рассветной мгле. Под ногами захрустел не дёрн, а слежавшийся прошлогодний дубовый лист и валежник, трещавший при каждом неловком шаге так громко, будто кто-то с треском ломал сухую доску.

Люди рассыпались. Это произошло само собой, за считанные мгновения, без крика и паники: одни забирали левее, другие правее, кто-то обходил густой завал орешника, кто-то задержался подсобить солдатам с носилками. Когда я огляделся, рядом со мной на тропе оставалось всего трое.

Стрельба гремела со всех сторон, гулким эхом раскатываясь под древесными кронами. Палили справа, слева, позади, а далеко впереди тяжело и мерно били слитные батальонные плутонги. Канонада с севера накатывала плотными волнами, и густота свинцового гула там стояла такая, что соваться на открытые поляны означало положить людей под чужой перекрёстный огонь.

— Никита, — негромко, но твёрдо окликнул я ветерана. — Стой на месте. Всем замереть. Ни шагу вглубь.

— Так растеряем людей по чаще! — хрипло отозвался он из сумерек.

— Мы уже растерялись. Если сейчас начнём метаться и окликать в голос — перебьют поодиночке. Слушай внимательно.

Я присел на корточки у замшелого корня и заговорил полушёпотом — так тихо, что троим бойцам пришлось наклониться к моему лицу:

— Орать нельзя, швед рядом. Передаём голос по цепочке, строго шёпотом. Называем не себя, а имя соседа. Ты, Никита, шепчешь направо «Прокоп». Прокоп услышит — шепчет следующего. И так по нитке до крайнего, а крайний возвращает отзыв обратно. Каждое имя, вернувшееся по цепи, — это живой боец, который держит связь.

— А коли не отзовётся кто?

— Тогда мы точно будем знать, кого недосчитались и где искать, а не гадать впотьмах. Пошли.

Я начал первым, едва слышно толкнув воздух:

— Никита.

— Прокоп, — мягко шелестнуло во тьме справа.

Прошла томительная пауза — ровно на пять ударов натянутого сердца.

— Митроха, — сухо прошуршало дальше в кустах.

Цепочка сработала. Имена перекатывались по подлеску справа налево и обратно — негромкие, осторожные, шершавые, словно шелест сухой листвы под ветром. С каждым отозвавшимся именем я загибал палец на руке, а когда пальцев не хватило, стал перебирать мелкие дубовые сучки в кулаке. Люди собирались на живой шёпот, находили друг друга на ощупь и молча опускались на землю.

Раненых я распорядился уложить в самую середину — в неглубокую складку между двух узловатых древесных корней. Остальных бойцов расставил полукруглой дугой: лицом к чаще, спиной к пострадавшим, оставив между локтями по четыре шага дистанции.

— А теперь слушайте главное, — я обошёл всю цепь, касаясь каждого за плечо: в полумраке только так можно было удостовериться, что солдат не оглох от страха и слышит приказ. — На слух никто не стреляет. Что бы там в ветках ни треснуло, хоть чёрт из чащи вылези. Увидите фигуру, различите мундир — стреляйте. Услышите шорох — лежите неподвижно. Повтори приказ.

— По звуку не палить, — негромко буркнул Прокоп.

— По звуку не палю, — подтвердил Митроха.

До Федьки очередь дошла в самом конце. Он послушно повторил слова, но взгляд его был прикован не ко мне: запрокинув голову, мальчишка испуганно всматривался в чернеющую чащу слева, словно натянутый флюгер.

Оттуда, из сырого подлеска, доносился стон. Стонали сдавленно, на каждом протяжном выдохе, а в промежутках между стонами звучала неразборчивая скорбная речь. Слов разобрать было невозможно, но интонация была своя, русская, и голос принадлежал совсем молодому парню.

— Это Гришка... — прошептал Федька, и пальцы его мелко задрожали.

— Мало ли кто там стонет, — осадил я.

— Это Гришка! — мальчишка дёрнулся всем телом. — Брат мой меньшой! Я его голос из тысячи узнаю, он в третьей роте стоял, его редут правее нашего...

— Федька, лежать! — приказал я.

Но мальчишка уже вскочил. Он метнулся вперёд одним резким, отчаянным рывком — так срываются люди, у которых в голове от ужаса захлопнулись все мысли. Сделал два шага за пределы дуги, и на втором шаге под его подкованным каблуком сухо и громко треснула берёзовая ветка.

Звук прозвучал в замершем утреннем лесу подобно пистолетному щелчку.

Слева, шагах в сорока, стон мгновенно оборвался. Наступила мёртвая тишина. Затем в темноте осторожно и коротко звякнуло железо — металлический скрежет антабки о ствол, когда стрелок на весу перехватывает фузею, и по валежнику зашуршали крадущиеся шаги. Двое. Они расходились полукругом, беря место хруста в клещи.

— Всем пластом на землю, — выдохнул я одними губами. Бойцы дуги бесшумно прижались к листве.

Я метнулся к Федьке, сгрёб его за шиворот кафтана и с силой впечатал в мох рядом с собой. Мальчишку колотила крупная дрожь — уже не от страха, а от жгучего, ледяного стыда: он понял, что натворил, в ту же секунду, как хрустнул сук.

— Слушай меня в оба уха, — я заговорил прямо в его висок, удерживая тон ровным и жёстким. — Скулить потом будешь. Сейчас у тебя есть боевая задача, поважнее моей.

— Дядь Андрей, я...

— Там, в кустах, лежит наш раненый. Он ползёт на шум, потому что надеется встретить своих. Ты сейчас поползёшь к нему — на брюхе, носа от земли не отрывая. Зажмёшь ему рот ладонью, чтоб звука не подал, и волоком затащишь в нашу ложбину, к Головину. В одиночку. Медленно. Скорость не нужна — нужна тишина. Повтори приказ!

— Ползу... зажимаю рот... волоку в ложбину, — прерывисто прошелестел Федька.

— Пошёл.

Мальчишка бесшумно скользнул в папоротник. Я перевёл взгляд на Никиту:

— Никита, со своей группой остаёшься на месте. Не дышать. Пусть шведы думают, что вы всё ещё на рубеже хруста — они и так знают, что там кто-то сидит.

— А ты куда?

— Мы с Прокопом и Митрохой отползём на десять шагов назад и влево. Перестанем быть там, где нас ждут.

Мы мягко соскользнули за ствол поваленной грозой старой берёзы и замерли.

Первый шведский разведчик показался через полторы минуты. Он вышел с ювелирной точностью туда, где треснул сук под Федькой. Шёл грамотно, профессионально: на полусогнутых, вынося ногу с носка, чтобы не шуметь валежником, и держал фузею со штыком у бедра. Взгляд его сверлил кусты впереди — туда, где, по его расчёту, затаились беглецы.

Но мы лежали левее.

— Митроха, бей, — шепнул я.

Выстрел Митрохи разорвал тишину в клочья. С двадцати шагов из-за толстого ствола берёзы по открытой цели промахнуться было невозможно: швед дёрнулся и рухнул в кусты.

Второй солдат оказался опытным бойцом. Он не стал оглядываться или стрелять наугад — в доли секунды метнулся в сторону, под прикрытие густого орешника, спасаясь от второго выстрела. И почти нырнул в спасительную тень.

Но из подлеска ему прямо под ноги поднялся Федька.

Мальчишка вырос на его пути во весь рост — без оружия, с растопыренными в стороны руками. Фузею он оставил у раненых, руки его ещё дрожали после того, как он тащил чужое тело, и он просто загородил шведу узкую тропу, не успев придумать ничего другого.

Швед остолбенел в трёх шагах.

Он мог всадить в пацана штык. Мог выстрелить в упор. Но он посмотрел в широко распахнутые глаза мальчишки, метнул затравленный взгляд вправо — где из-за стволов на него хмуро смотрели шесть наведённых русских мушкетов во главе с Никитой, снова глянул на безоружного Федьку...

И медленно опустил фузею на траву.

Он положил оружие бережно, двумя руками, как кладут хрупкую вещь, затем выпрямился во весь рост и поднял раскрытые ладони на уровень ушей:

— Skjut inte... Jag ger mig. Per. Per Larsson.

— Кличка у него такая, видать, — сплюнул сквозь зубы подошедший Прокоп. — Пер какой-то.

— Ладно, — я вышел из-за берёзы, держа пистолет наготове. — Пер так Пер. Живи пока. Прокоп, подбери его фузею. Никита, проверь за поясом тесак. Федька, в сторону отойди, не засти стрелку руки.

Из ложбинки, куда Федька приволок раненого, донёсся слабый, сиплый голос:

— Братцы... православные... вы чьи будете?..

Федька уже сидел там на коленях, бережно придерживая за плечи исхудавшего солдата в незнакомом зелёном кафтане с распоротым рукавом. Лицо мальчика было таким потерянным, словно пулю получил он сам.

— Это не Гришка, дядь Андрей... — сдавленно проронил он.

— Вижу, что не Гришка.

— А я думал — он...

— Я знаю, что ты думал, — я опустился рядом, с силой сжал его плечо и заставил посмотреть мне в глаза. — Слушай сюда. Из цепи ты выскочил сдуру, чуть всех нас под пули не подставил. Но бойца вытащил и перед чужим штыком спину не показал. Ты врага собой связал, пока мы заходили во фланг. Солдатское дело ты сделал, понял?

— Так ведь швед из-за меня...

— Он из-за тебя ружьё бросил, — отрезал я. — Хватит сопли мотать. У нас теперь лишний раненый и пленный в придачу. Надо глядеть, что у парня с рукой.

Сухое русло весеннего ручья мы отыскали по запаху сырости и холоду.

Земля под ногами внезапно пошла под уклон, воздух стал заметно гуще и прохладнее. Через десяток шагов под подошвами зашуршал намывной речной песок, а по сторонам поднялись глинистые обрывы в рост взрослого человека. Из отвесных стен торчали мощные, вымытые вешними водами корневища дубов — толстые, как корабельные канаты, отполированные старым потоком.

— Сюда, — скомандовал я, осматривая русло. — Всех тяжелораненых уложить под нависшие корни. Ходячим — встать вдоль стены. Никита, двоих дозорных на бровку оврага, по одному на каждый борт. Только наблюдать, без моей команды пороха не палить.

Я опустился на холодный песок и впервые за эту бесконечную ночь разглядел людей при ясном свете дня.

Утро вступило в свои права: солнце ещё не пробилось сквозь марево, но серый ровный свет уже заливал дно промоины.

В строю оставалось пятнадцать наших бойцов и один чужой — худой пехотинец из другого полка с изувеченным предплечьем. Чуть в стороне под надзором Митрохи сидел Пер, смирно уложив руки на колени.

У троих раненых кровь хлестала не на шутку.

— Так, братцы, — я поднялся на ноги. — Слушайте все и не перебивайте, повторять времени нет.

Я говорил и одновременно показывал движениями:

— Если рана открытая и кровь бьёт струёй — давить всем весом. Наглухо, ладонью прямо в рану, всем телом! Сверху тряпицу, но главное — прижать артерию к кости и не отпускать. Руку не убирать, чтобы поглядеть, запеклось или нет. Прокоп, у тебя правое плечо пробито, самому не дотянуться — пусть напарник наляжет.

Я шагнул к мальчишке-барабанщику:

— У кого кость раздроблена — ногу не вертеть. Митроха, тащи сюда два шомпола от разбитых фузей и чью-нибудь перевязь. Тишка, держись. Врать не буду — драть будет немилосердно, зато ногу спасём и нести станет легче.

Мы втроём прижали мальчишку к песку, и я туго прибинтовал два железных шомпола к его сломанной ноге с обеих сторон, наложив жёсткие шины. Тишка срывал голос от крика, кусал губы до крови, а когда последний узел затянулся, лежал белый как полотно, весь в холодном поту, но тихо выдохнул:

— А ведь... и вправду легче, дяденька капрал.

— То-то же, — кивнул я.

Поручик Головин лежал под выступом земляного пласта, и положение его было отчаянным. Живот у него вздулся и стал твёрдым как доска. Офицер оставался в сознании, но говорил с мучительным трудом, пересохшим шелестом, и ежеминутно просил воды:

— Пить... ради Христа, Рябов... глоток дай...

— Нельзя вам пить, господин поручик, — твёрдо сказал я, опустившись рядом на колени.

— Отчего?.. — прошептал он, глядя на меня запавшими глазами.

Я мог бы отделаться пустой жалостью или солгать во спасение. Но посмотрел на его залитое запекшейся кровью лицо, на молодость, угасающую в сыром овраге, и сказал правду:

— Потому что пуля вспорола кишки. С пробитым нутром от воды начнётся смертный жар и выворот. И потому что я не знаю, успеем ли дотащить вас до полковых лекарей. Донести — донесу на руках. А дальше ручаться не могу.

Головин долго лежал неподвижно, глядя в глиняный свод промоины.

— Спасибо... — с трудом прошевелил он побелевшими губами. — Хоть один... правду в глаза сказал.

Солдат Гаврила скончался через десять минут.

Шведская пуля вошла ему высоко в бедро, у самого паха, перебив крупную артерию, и кровь толчками хлестала наружу, пробивая любое сукно. Я навалился на паховую складку обеими руками, упираясь коленями в песок и вдавливая сосуд к кости всем весом. Когда пальцы свело судорогой, меня сменил Никита, потом Прокоп. Мы испробовали всё, что было доступно в полевых условиях без жгутов, корнцангов и лекарских игл. Гаврила поначалу хрипло матерился, затем стал бредить, вспоминая какого-то Степана, которому задолжал три алтына за табак, а потом затих.

Я ещё минуту держал ладонь на его шее, надеясь на чудо. Чуда не случилось. Я опустил его веки, встал и вытер окровавленные руки о песок — песок мгновенно впитал кровь и стал бурым.

Солдаты молчали. Никита стянул шапку, перекрестился на восток и снова натянул сукно на лоб.

— Его фузею забрать, — хрипло велел я. — Оружие не бросать ни под каким видом. Митроха, ты свой ствол в рукопашной погнул — бери Гаврилин.

— Так ведь... покойника вещь, грех вроде... — замялся Митроха.

— Была Гаврилина, стала полковая, — отрезал я. — Ему она больше без надобности, а тебе жизнь спасёт. Никита, что с порохом?

— Скверно, капрал, — Никита уже вытряхивал содержимое патронных сумок на расстеленный кафтан. — Четыре сумки пусты в ноль. Две обронили во рву. У троих подмокло на дне телеги — вон, слиплось комьями.

— Комья долой, в ружья не совать.

— Да ведь порох же, жалко бросать!

— Это не порох, это суглинок, который даст осечку в упор и оставит тебя без головы. Считай только сухие патроны.

Сухого боезапаса наскребли ровно на семь исправных фузей.

Пока ссыпали патроны, Никита вдруг замер с полной горстью свинца и навострил ухо, повернув голову в сторону чащи:

— Тихо всем! Ни звука!

Издалека, сквозь древесную толщу, донёсся странный, размеренный рокот. Сперва он походил на стук гигантского дятла по сухому стволу.

— Барабаны... — выдохнул Никита, и лицо его просветлело. — Наши бьют! Много бьют! Это не ротная перекличка, это дивизия в боевые линии строится! Вон туда, — он указал рукой на северо-восток, — версты две от силы, может, три через лес.

— Значит, туда и пробиваемся, — сказал я.

— Нельзя туда соваться, — глухо бросил Савва.

Он сидел на своём окованном железом ящике с зарядами, вытянув раненую ногу, и вид у него был человека, знающего здешние урочища как свои пять пальцев:

— Отчего нельзя? — повернулся я к нему.

— Оттого, что напрямик пойдёшь — упрёшься в Будищенскую просеку. Я по ней казённое сено три лета возил. Она прямая, как стрела, широкая, и по сторонам лес вырублен начисто — ни кустика, ни овражка. На ней нашу колонну за версту как на ладони шведы расстреляют. — Савва концом шомпола начертил на песке кривую линию. — А есть другая стежка, левее. Кривая, буреломом заваленная. На телеге там и сажени не проехать, а пешему человеку пройти можно. Она к тому же месту выведет, только крюком.

— Никита, что скажешь?

— В первый раз про такую тропу слышу, — недоверчиво буркнул Никита. — Я знаю одно: к своим выходить надо, пока бой не стих. Мы тут сидим полчаса, Гаврилу уже закопали. Вдруг фронт покатится?

Спор разгорался нешуточный. Правы были оба: Никита держался за спасительный гром полковых барабанов, Савва знал коварство открытой земли, а времени на раздумья у нас не оставалось вовсе.

И в этот момент Пер шевельнулся.

Швед медленно поднял ладонь, показывая пустые пальцы, дождался, пока на него обратят внимание, и выразительно ткнул пальцем в песчаный чертёж Саввы — прямо в изгиб кривой просеки. Затем резко провёл ребром ладони поперёк черты. После этого растопырил пальцы: два, четыре, сжал кулак, выбросил обе руки вперёд — «много». И снова полоснул ладонью воздух поперёк нарисованной тропы.

— Он бает, там ихние засаду держат, — нахмурился Митроха.

— Он показывает, что там стоят шведские заслоны, — уточнил я. Подошёл вплотную и опустился перед пленным на корточки:

— Пер. Почему ты это говоришь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.